

ФЕДОР АБРАМОВ
СОСНОВЫЕ ДЕТИ

Рассказ

...

2

Шуша – старый заброшенный поселок, каких немало встречается в северных лесах. Пять-шесть барачков, осевших, скособочившихся, с черными провалами окон, из которых торчит трава, уныло доживают свои дни на солнцепеке у речки. За речкой – красная щель с дрожащими в мареве березками, а по эту сторону – вырубки. На километр, на два тянутся розовые заросли иван-чая и шиповника. И ни единого стоящего дерева!

Тем отрадней в этой лесной пустыне видеть жилой дом с зеленой гривой молодых топольков, задорно искрящихся на солнце. Дом стоял несколько в стороне от барачков, такой же приземистый, неуклюжий, грубой, на скорую руку, кладки, но выгодно отличающийся от них своей молодцеватостью: стены тут и там подновлены свежими лесинами, окна покрашены белилами, а маленькое светлое крылечко сбоку, под навесом, пахло еще смолой.

Двери в сени и в комнату были раскрыты настежь. Я поднялся на крыльцо, миновал просторные сени и... Что за чудеса? Куда я попал? Огромное помещение, не то сарай, не то зал – и всюду березовые кусты. Кусты вдоль стен, от пола до потолка, кусты в простенках между окнами и даже самые окна наполовину заставлены кустами. Из окон тянуло сквознячком, и листья на кустах шевелились, как на воле.

Однако, осмотревшись, я стал замечать признаки человеческого жилья. У окна, направо от двери, единственного на всю стену, стоял стол с тремя некрашеными табуретками. Напротив стола, прикрытая кустами, белела массивная печь. Потом у дальней стены, погруженной в зеленый сумрак, я разглядел ситцевую занавеску – там, очевидно, спали...

С улицы, запыхавшись, вбежала босоногая светловолосая женщина в белом платье. Это была Наташа, жена Игоря.

– Вот как гостя встречаем! Пришел, и дома никого. Ну, сами виноваты – не надо было обманывать. Мы ждем, ждем, целую неделю ждали, а сегодня я не выдержала – с утра Игоря в лес прогнала. Сколько же, говорю, ждать? Кругом пожары...

Все это Наташа выпалила единым духом, как будто мы с ней были старые-старые знакомые, а затем, шурша босыми ногами по веткам березы, разбросанным по полу, прошла к окнам, раздвинула кусты.

В комнату хлынуло солнце.

– Это зверюшник-то мы от жары устроили. Все лето в кустах живем. Окна-то вон какие. Как ворота. Тут раньше пекарня была.

Вдруг из березок, которыми была прикрыта ситцевая занавеска, что-то прыгнуло и шлепнуло на пол – я даже вздрогнул от неожиданности. Заяц! Серый лопухий заяц с подергивающимися губами.

Наташа с притворной сердитостью затопала ногой:

– Васька-дурак! Опять на постели валялся.

Заяц юркнул в кусты.

Наташа рассмеялась, повернула ко мне круглое, очень милое и простодушное лицо с большими темными глазами.

– Это заяц-то у нас с прошлого лета, – сказала она, внимательно приглядываясь ко мне. – Игорь в лесу нашел. Маленький, хромывает, говорит, по полянке – лиса или кто другой хватил. Да он, дурак, прижился – не прогонишь. А зимой белый-белый, как снег...

Наташа предложила мне на выбор – чай пить или в бане сначала помыться с дороги («баня у нас светлая, чистая»), но я сказал, что лучше подождать Игоря, тем более что, по ее словам, он вот-вот должен быть.

Мы сели к столу. Наташа, заслонив рукой лицо от солнца и по-прежнему присматриваясь ко мне, спросила:

– Как же это вы подъехали, я даже не слыхала? Стираю у реки белье и вдруг вижу, какой-то дяденька стоит у крыльца. Я-то, правда, сразу догадалась, что за человек.

Я рассказал, как добирался до Шуши.

– Вот оно что, – сказала Наташа и нахмурила брови. – Это с Пронькой Силиным выехали. Бесстыжая рожа, небось, побоялся сюда подъехать. Я бы ему сказала... Первый браконьерщик он тут в лесопункте. Нынче зимой такого быка свалил, вон рога-то – от того лося, – она указала рукой на стену. – Вот и злится теперь. Как напьется, так и кричит на весь лесопункт: я, говорит, из-за Гошки штраф заплатил, а Гошка, говорит, жизнью мне заплатит...

Наташа поглядела в окно.

– Не знаю, где он запропал. Ушел с утра, и без хлеба... Вам, может, отдохнуть с дороги? А то хотите ягод? У нас малина в садике ранняя, на некоторых кустах уже поспела.

Жара все еще не спала. Тугой знойный воздух переливался над огородиком, в котором, зарывшись в картофельную ботву, дремала белая коза. От речки тянуло смородиной, и там, в кустах, как глаз совы, полыхало низенькое оконце бани.

Садик, сонно лепетавший тополиной листвой, примыкал к глухой стене дома с летней стороны. В отличие от огородика, он был обнесен частой плетеной изгородью, калитка сбита из мелкой, гладко выструганной доски – словом, садик был в почете у хозяев.

Но вот я перешагнул за калитку и прямо-таки ахнул. Маленькие подрумяненные клены, желтая акация, сирень нескольких сортов, жасмин, барбарис, боярышник, бузина... А это что? Яблоньки... Вишенки. У нас, на Пинеге, чуть ли не под самым Полярным кругом!

Наташу, казалось, не тронули мои восторги.

– Подумаешь, – сказала она с некоторым вызовом. – Кусты-то каждый посадить может. А вот я сейчас что вам покажу...

Осторожно раздвигая руками малинник, густо осыпанный крупной, кое-где уже покрасневшей ягодой, она повела меня в дальний угол сада.

– Узнаёте?

Я сперва ничего не заметил, кроме тоненьких играющих на солнце топольков, а потом, вдруг почувствовав нежный смолистый аромат, повернул голову налево к плетню. Кедрачи! Иссиня-черные, длинноиглые, по-медвежьему угрюмые и неприветливые.

Наташа потрепала ближайшего крепыша.

– Ох, и капризное дерево! Ну, повозились же мы с ним. Туго растет – даром что, как сосна, ершистое.

Она на секунду задумалась, а потом вдруг застенчиво – даже краска выступила на ее бледных щеках – улыбнулась:

– Он меня этими-то кедрачами и взял.

– Кто? – не понял я.

– Кто? Игорь. Разве бы я за такого гопника пошла? Из лагеря вернулся – никто глядеть-то на него не хотел: старый, страшный. А я что – против него совсем девчонка была. Мне еще восемнадцати не было. Да тут вот эти дьяволята под руку подвернулись... – Наташа, улыбаясь, опять потрепала верхушку кедрача. – Ей-богу. Еду как-то осенью на пароходе. Народу много. И он, суженый-то мой, едет. Я, конечно, и не гляжу на него. У меня и думушки о нем нет. Мало ли гопников на свете ездит. А потом смотрю: чего он все в корзину заглядывает? Корзина большущая, у ног стоит, пологом прикрыта. Думаю, может, зверят каких везет – лесник. Интересно. Ну, и когда он куда-то вышел, я – раз к этой корзине. Тьфу ты, господи! Сосны маленькие. Вот, думаю, совсем мужик спятил. Мало у нас сосен в лесу, так он еще откуда-то со стороны везет. А Нюра Канашева, учительница, со мной ехала. «Нет, – говорит, – Наташа, это не сосны, это кедры». Да эти кедры мне по ночам стали сниться. Ей-богу! Всю зиму снились. Ну а весной, когда снег стаял, я и побежала с лесопункта в Шушу. Кедры смотреть. За тридцать километров! Вот какая глупая была. – Наташа, закусив губу, покачала головой. – Было у нас делов-то! Мама узнала, что я с гопником старым связалась, – в слезы. Брат приезжал за мной сюда. А на лесопункте-то сколько разговоров было!.. Ладно, – сказала она, резко обрывая себя, – клюйте ягоды. А мне еще надо белье развесить да козу прибрать.

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Сосновые дети : рассказ // Звезда. – 1962. № 4. - С. 85-96